

О ТИПОЛОГИИ ЭЛЕГИЧЕСКИХ КОМПОЗИЦИЙ Н.А. НЕКРАСОВА

В статье анализируется композиция 35 элегий Некрасова по методике М.Л. Гаспарова. Демонстрируются наиболее характерные композиционные типы. Показывается своеобразие элегий Некрасова, а также устанавливается их связь с элегической традицией Баратынского, Пушкина, Жуковского.

Согласно Л.И. Тимофееву, жанровое содержание определяется эмоциональной направленностью и структурой произведения, т. е. планом содержания и планом выражения. Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, Н.В. Барковская, Т.А. Ложкова охарактеризовали основные элементы жанровой формы: субъектную организацию, пространственно-временную организацию, ассоциативный фон, интонационно-речевую организацию [1, 20-23].

На сегодняшний день жанр элегии можно считать достаточно изученным: существует работа обобщенного характера Л.Г. Фризмана «Жизнь элегического жанра (Русская элегия от Сумарокова до Некрасова)» [2] и много статей у отдельных литературоведов по этой теме [3], [4], [5]. Как известно, на эмоциональную направленность жанра указывал еще В.Г. Белинский: «элегия собственно есть песня грустного содержания» [6, 50]. Позже об этом же говорили А.Г. Горнфельд [7, 343], Л.И. Тимофеев [8, 466], А.П. Квятковский [9, 351], Л.Г. Фризман [10, 508]. Последний описал тематику и проблематику русской элегии. План выражения жанра менее изучен. Анализируя все известные нам источники, мы нашли определение размера у А.П. Квятковского [9, 351] и Г.Н. Поспелова [10, 399] (обычным размером русской элегии они называют ямб). Объем, субъектно-объектная организация и особенность композиции отмечены у Фризмана: элегия – «стихотворение средней длины, ... чаще всего от 1 лица, без отчетливой композиции» [11, 508]. Как бы полемизируя с Фризманом, М.Л. Гаспаров выделил «три типа русской романтической элегии», но его работа касается композиции жанра первой трети XIX века [3]. Свою статью о композиции элегий Баратынского, Пушкина, Жуковского Гаспаров завершает обращением к ученым: «...для полной картины строения русской элегии, конечно, необходимо столь же подробное описание элегий и других поэтов» [3, 382]. Следуя этому призыву большого ученого, мы, используя ме-

тодику М.Л. Гаспарова, в данной работе анализируем композиции элегий Некрасова.

Материалом послужили 35 элегий, появившихся в творчестве поэта с 1840 по 1876 гг. В это число элегий включены 24 произведения, выделенные Фризманом; остальные выявлены нами в трех томах академического издания [12].

Согласно исследованию М.Л. Гаспарова, свыше одной трети всех элегий Баратынского построены по единой композиционной схеме, иногда более или менее развернутой: экспозиция – ложный ход – отказ и истинный ход, иногда с синтезом на конце. Условно этот тип ученый называет «расчленяющей», или «аналитической» элегией. У Пушкина на первый план выдвигается тема, сформулированная в начале стихотворения, и затем варьируемая с переменных точек зрения, прежде всего через смену подлежащих и смену временных планов. «Воспоминание – это классический случай совмещения временных планов («прошедшее в настоящем»), а часто и подлежащих («ты во мне»)» [3, 370]. Элегия Пушкина названа исследователем «совмещающей». Особенность композиции элегий Жуковского определяется спецификой их тематики. Для описательных стихотворений – это пейзаж и вызванные им размышления, сначала о прошлом, потом о будущем или вечном. Для стихотворений «на смерть» это – краткое упоминание о смерти героя и вызванные ею раздумья, как правило, почти уже не возвращающиеся к исходному пункту. «Мысль Жуковского движется исключительно в области отвлеченных общечеловеческих законов бытия» [3, 379].

Изучение композиции элегий Некрасова позволило сделать предварительный вывод, что в некоторых стихотворениях этого жанра просматриваются композиционные схемы (типы), сопоставимые с теми, которые описаны М.Л. Гаспаровым. Продемонстрируем наиболее характерные типы.

Элегия «Я сегодня так грустно настроен...» построена по 3-частной схеме: экспозиция, рисующая исходную ситуацию; ложный ход, на-

мечающий возможное решение ситуации; отказ от ложного хода и предпочтение другого хода, истинного. Итак, экспозиция (раздумья героя), 1 строфа:

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткой ум <...>

Исходная ситуация кратко сформулирована в первых двух строках, дальнейший текст лишь уточняет ее. Анафора объединяет 2-ю и 3-ю строки, лексический повтор «глубоко, глубоко» усиливает выразительность текста. Конец экспозиции – емкое по содержанию выражение «истерзанный пыткой ум», характерное, по словам Л.И. Альми, для поэзии мысли [4, 111]. Временной план – настоящее время.

Ложный ход – неполная 2 строфа:

<...>Что недуг мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит –
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... < ... >

Первое двустишие создает противоречивость душевного состояния «недуг <...> горько меня веселит». Основная мысль оттянута на последние 1,5 строки и маркируется многоточием «встречу смерти <...> сам пошел бы...». Временной план – переход от настоящего в будущее время.

Отказ и истинный ход: половина последней строки 2-й строфы, 3 и 4 строфы:

...Но сон освежит –

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же вятно душе говорить...

Отказ занимает 2,5 строки, он отделен от ложного хода сменой времени, изменением зву-

ковой окраски, внутрискрипной паузой. Начало фразы в середине строки подчеркивает значимость слов «но сон освежит», в них новая тема. Предложение начинается союзом «но» и указывает на противопоставление всему сказанному ранее. Наличие конфликта прослеживается и на фонетическом уровне: окраска слов со звуком [у] выделяет слова с семантикой печали и уныния, усиливает ритм. Временной план – настоящее и будущее время. Двоеточие, стоящее после отказа, предполагает раскрытие истины.

Истинный ход, представленный в будущем времени, – остальные 6 строк. Последнее двустишие 3-й строфы содержит основную тему всего стихотворения «душа встрепенется» и «мучительно жить захочу».

Построение элегии весьма интересно тем, что лежащая в основе стихотворения мысль о мучительном желании жить завершена в 3-й строфе. Кажется, что содержание стихотворения уже исчерпано. Действительно, последующие 4 строки обращены к теме экспозиции. Из комментариев А.М. Гаркави известно, что произведение написано под впечатлением тяжелой болезни [12, т. 1, 623]. Очевидно, этот факт обуславливает возврат к мыслям о неизбежности смерти.

Итак, в элегии «Я сегодня так грустно настроен...» память жанра сохраняется в 1) фило-софском содержании (размышления о жажде жизни и неминуемости смерти были характерными для элегий); 2) использовании композиционного типа, присущего элегиям Баратынского, где истине предшествует ложная ситуация. Новаторство Некрасова проявилось в усилении 3-частной композиции возвратом к теме экспозиции в будущем времени, а также в выборе нетрадиционного метра – 3-стопного анапеста.

Элегия «Забятая деревня» построена тоже по типу «расчленяющей» композиции, но, по нашему мнению, осложнена тем, что для каждой из первых 3 частей, раскрывающих тему, своя экспозиция и ложный ход. Обоснуем это суждение.

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила	} экспозиция
Починить избенку лесу попросила.	
Отвечал: нет лесу, и не жди – не будет!	} ложный ход
«Вот приедет барин– барин нас рассудит,	
Барин сам увидит, что плоха избушка, И велит дать лесу», – думает старушка.	

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный, У крестьян землицы косячок изрядный Оттягал, отрезал плутовским манером. «Вот приедет барин: будет землемерам! – Думают крестьяне. – Скажет барин слово – И землицу нашу отдадут нам снова.»	} экспозиция } ложный ход
---	------------------------------

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный, Да перечит девке немец сердобольный, Главный управитель. «Погодим, Игнаша, Вот приедет барин!» – говорит Наташа. Милые, большие – дело чуть за спором – «Вот приедет барин!» – повторяют хором...	} экспозиция } ложный ход
---	------------------------------

Ложный ход во всех случаях разнесен по 4 репликам: бабушки Ненилы, крестьян, Наташи, крестьянского хора. Ложный ход всякий раз маркируется анафорой «Вот приедет барин!», что придает особую значимость этой фразе для героев. Герои стихотворения названы по своему социальному положению: бурмистр, крестьяне, хлебопашец, девка, управитель, барин. Как указала Н.Н. Иванова: «по отношению к <...> реалиям крестьянского быта <...> автор применяет слова с суффиксами эмоциональной оценки (бабушка, старушка, парнишки, Наташа – домашняя, ласкательная форма имени собственного <...>; избенка, косячок землицы). Это служит выражению авторского отношения <...> и одновременно является речевым проявлением образа автора. Иное лексическое выражение находит авторское отношение к «врагам» крестьянина: <...> лихоимец жадный; оттягал, отрезал плутовским манером; плут <...>. Эта оценка резка и прямолинейна, подчеркнута неоднократностью употребления оценочных слов» [13, с. 311-312].

Отказ от ложного хода содержится в 4 части стихотворения, причем основная мысль раскрывается в последней строке, с использованием повторов «Барина все нету... барин все не едет!»

Умерла Ненила; на чужой землице
У соседа-плута – урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина все нету... барин все не едет!

В этой части автор максимально лаконичен, судьба каждого героя представлена кратко и просто. «...Все рассказы оказываются связными в пределах одной метрической единицы строфы, что способствует выявлению общности этих крестьянских судеб...» [13, с. 313].

Истинный ход занимает 5 часть:

Наконец однажды среди дороги
Шестернею цугом показались дроги:
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в горбу-то барин; а за гробом – новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету – и уехал в Питер.

Данная строфа содержит истинное разрешение ситуации: долгожданный приезд барина. Несбывшиеся надежды крестьян подчеркиваются противопоставлениями старый – новый, гроб – карета, стоит – сел, уехал. Последнее двустопище раскрывает тему элегии – безразличное отношение барина к жизни простого народа. Вынесение основной мысли на конец элегии характерно было для Баратынского, но социально-политическая направленность стихотворения, отсутствие поэтической лексики позволили Некрасову проявить свою индивидуальность. А.М. Гаркави в комментариях указывает, что первоначальное заглавие «Барин» было заменено названием «Забытая деревня» [12, т. 1, 636]. По словам Н.Н. Ивановой, семантический центр оказался перемещенным: на передний план выдвинута как центральная тема судьбы крестьянства, т. е. русского народа. Интересен и временной план стихотворения. В 1-3 частях прошедшее в настоящем и ожидаемое будущее; в 4, 5 – прошедшее в настоящем. Смена и совмещение временных планов, по мнению Гаспарова, присуща элегиям Пушкина. Из этого следует, что в данной элегии Некрасов сочетал традиции Баратынского (использование ложного хода), Пушкина (прием смещения и смены временных планов) и одновременно сам разработал новую композицию: 3 экспозиции – 3 ложных хода – отказ и истина. Неординарность Некрасова проявилась также в применении для элегического стиха 6-стопного хорея.

Для нашего анализа интерес представляет «Несжатая полоса». Развернутое суждение по поводу поэтики этой элегии содержится в работе Л.Г. Фризмана: «Н.Н. Скатов, вслед за Б.М. Эй-

хенбаумом сопоставлявший «Несжатую полосу» с балладой Жуковского «Суд божий над епископом», пришел к выводу, что Некрасов заимствовал у Жуковского и ритм, «и тон, и основной образ (дождливая осень, несжатый погибающий хлеб), и синтаксическую структуру» <...>. Все содержание баллады, ее нравоучительный сюжет Некрасов оставил без <...> внимания. Он взял лишь элегический зачин, который был для Жуковского не более чем элементом поэтической экспозиции...» [2, с. 144]. С точки зрения нашего подхода, «Несжатая полоса» имеет 3-частную композицию: экспозиция – пейзаж и вызванное им размышление; ложный ход – шепот горестно оплакивающих свою судьбу колосьев и отказ – оправдание колосьев; истина – ответ ветра. Экспозиция занимает 4 строки:

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Другие части «расчленяющей» композиции будут разработаны Некрасовым через реплики колосьев и ветра. Поэт вводит просторечную лексику: «прожорливая птица», «мы уродились», «цвели-колосились», «моченьки нет», «плохо бедняге», не характерную для жанра элегии. В элегии нет лирического «я», так же, как в «Забытой деревне».

Усиленное нагнетание звука [у] слышится в строках ложного хода:

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли! <...>

Через риторических вопросов оканчивается ложный ход: «Где же наш пахарь? чего же он ждет?! Или мы хуже других уродились?! Или не дружно цвели-колосились?»

Отказ начинается словом «Нет!», далее колосья «оправдывают» себя. Истина заключена в словах ветра.

По нашему мнению, с точки зрения композиционного построения элегия «Несжатая полоса» сохраняет традиции Жуковского (основной образ, элегический зачин) и Баратынского (3-частность структуры). Однако создание композиции в форме неторопливой беседы колосьев и ветра, совсем без участия в этом разговоре автора, использование просторечной лексики, а также 4-стопного дактиля – это новации Некрасова.

По такому же типу «расчленяющей» элегии построены еще некоторые произведения Некрасова: «Тройка», «Скорбь и слезы», «Прощанье» и др.

Элегия «Поражена потерей невозвратной...» базируется на смене и совмещении временных планов и смене подлежащих. В самом начале стихотворения сформулирована тема, которая затем варьируется сменой временных планов и подлежащих («душа» – «я» – «та» (женщина) – «та во мне»):

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной –
Постыдное бессилие раба!

Ей все равно – холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь, –
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогрела кровь.

Временной план – прошедшее время. С третьей строфы происходит смена подлежащего на «я» и смена времени на настоящее.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету, –
Как будто смерть сковала ей уста!

Со второй строки 3 строфы смена подлежащего с «я» на «ту» и смена времени на будущее. «И та» выделено переносом¹; начинается развитие темы с позиции «той». Интересно, что последние 6 строк элегии написаны с точки зрения

¹ Подобный перенос, по мнению С.А. Матяш, Некрасов мог заимствовать из баллады В.А. Жуковского «Замок Смальгольм»: «И сюда с высоты не сошел бы... но ты! / Заклинала Ивановым днем». См.: С.А. Матяш. Переносы в балладном стихе В.А. Жуковского // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции (15-17 октября 2001 г.). – Ч. 1. – Томск: Томский гос. ун-т, 2002. – С. 68-71.

«я» о «той». Перед нами не просто план «я» сменяется на «ту»: один сквозит через другой как совмещение «она во мне». Временной план – кажущееся будущее время:

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие напряженные глаза –
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

В выборе «совмещающего» типа композиции, метра (5-стопный ямб) Некрасов продолжил Пушкина. По своей реальной основе – гражданский брак, смерть ребенка – элегия Некрасова нова. Общий речевой строй Некрасова (ненависть, постыдное бессилие раба, потеря невозвратная, спасительная злоба, сухие напряженные глаза) никак не соотносится с элегическим языком Пушкина. В отличие от астрорифических элегий Пушкина Некрасов в данном случае (и не только в этом) прибегает к строфическому построению. «Совмещающий» композиционный тип имеют следующие элегии: «Пускай мечтатели осмеяны давно...», «Я за то глубоко презираю себя...», «Да, наша жизнь текла мятежно...», «Давно – отвергнутый тобою...», «Я посетил твое кладбище...» и др.

Элегия «Так это шутка? Милая моя...» состоит из 3 частей, отделенных графическими пробелами. В первых двух строках определена тема элегии:

Так это шутка? Милая моя,
Как боязлив, как недогадлив я!

Начало элегии представлено Некрасовым как продолжение какой-либо ситуации. Использование слов со значением «домашней» семантики резко отличает экспозицию этой элегии от других элегических зачинов. Далее следует прозаически-повествовательное сообщение о состоянии героя при прочтении «сурового, короткого и сухого письма»: я плакал, я спрашивал, я говорил, я мучился, я жалок был. Временной план – «давно прошедшее» время. Раздумья героя маркируются рядом риторических вопросов и повторами, которые часто применяли элегики как средство развития темы.

Типичное для медитативных элегий синтаксическое построение:

...*Не ложью ли* пустою,
Рассеянной досузей клеветою,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительным недугом
Без оправданья суд произнесла?
Или то был один каприз случайный,
Иль давний гнев?..

Осложняет эту часть прямая речь, в которой происходит смена временных планов: будущее – прошедшее – прошедшее в настоящем и смена точек зрения: сначала говорится «о себе в связи с ней», затем «о ней в связи с собой». Поэт использует говорную интонацию, с внутрестиховыми паузами.

Вторая часть типично элегическая, напевная:

Всему конец! Своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир, и прежнюю любовь;
И сердце шлет тебе благословенья,
Как вестнице нежданного спасенья...

Тематически эти строки связаны с первым двустихием, но здесь тема экспозиции звучит поэтически, с использованием высокой лексики. Кажется, что на этом стихотворение должно закончиться. Третья часть возвращает текст в «мир Некрасова – мир народной жизни» в поэтическом варианте:

Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокой;
Встревоженный, он ищет и зовет,
И мечется в тоске жестокой,
И падает, бессильный, на траву...
А няня вдруг: ау! ау!
В нем радостью внезапной сердце бьется,
Он все забыл: он плачет и смеется,
И прыгает, и весело бежит,
И падает – и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга...

Некрасов сравнивает лирического героя с ребенком, который потерял няню в лесу. «Я»

плачет, тревожится, страдает так же, как ребенок «встревоженный, ... мечется в тоске... падает, бессильный...». Во второй части герой ликует, благословляет «вестницу неожиданного спасенья», аналогично радуется малыш, найдя няню, «прыгает, и весело бежит... няню не бранит, ... жмет к сердцу виновницу испуга». Милая соотносится с няней, заведшей ребенка в лес и спрятавшей: «рассчитанно суровое» проявление чувств сменяется возвратом в прежний мир, в прежнюю любовь, так же, как появление няни из-за куста: «ау! ау!».

Анализируя элегии Жуковского, Пушкина, Баратынского, мы не нашли столь объемного заключительного сравнения (12 строк). В текстах этих поэтов сравнения занимают чаще всего 1-3 строки и существенно не влияют на композиционное построение в целом.

На основе всего сказанного смеем предположить, что элегия «Так это шутка? Милая моя...» представляет новый тип элегии. Таким образом, к типам элегий Жуковского, Пушкина, Баратынского, описанным М.Л. Гаспаровым, можно добавить так называемый «некрасовский тип».

Список использованной литературы:

1. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н., Барковская Н.В., Ложкова Т.А. Практикум по жанровому анализу литературного произведения. Екатеринбург, 1998.
2. Фризман Л.Г. Жизнь элегического жанра: (Русская элегия от Сумарокова до Некрасова) М.: Наука, 1973.
3. Гаспаров М.Л. Три типа русской романтической элегии // Гаспаров М.Л. Избр. труды В 3-х тт. Т. 2. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – С. 362 – 382.
4. Альми Л.И. Е. Баратынский «Все мысль да мысль!..» // Поэтический строй русской лирики. Л.: Наука, 1973. – С. 108-121.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Наука, 1972.
6. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т., Т. 5. М.: Наука, 1954. - С. 7 – 67.
7. Горнфельд А.Г. Элегия // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон Т. 79, «ТЕРРА» – «TERRA», 1993. - С. 343-344.
8. Тимофеев Л.И. и Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. – С. 466.
9. Квятковский П.А. Поэтический словарь М.: Сов. энциклопедия, 1976. - С. 351.
10. Введение в литературоведение /Под ред. Г.Н. Поспелова. М.: Высшая школа, 1976. – С. 398-399.
11. Фризман Л.Г. Элегия // ЛЭС. М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 508.
12. Некрасов А.Н. Полн. собр. соч и писем: В 15-ти т. Т. 1-3, Л.: Наука, 1981-1982.
13. Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Язык лирики XIX века: Пушкин. Некрасов. М.: Наука, 1981.